

ным, негативное и отклоняющееся от нормы маркируется»³⁴. Итак, концепт 'худой' по-разному преломляется в сознании носителей литературного русского языка и диалектного языкового сознания, что связано с их различным образом жизни, уровнем образования, бытовым укладом.

Подводя итоги, отметим, во-первых, еще раз, что худоба тела оценивается носителями диалектов как явление отрицательное. Во-вторых, следует говорить о позднем и местном характере подавляющего большинства исследуемых лексем, их вторичном, переносном характере. Таким образом, можно сделать вывод, что концепт 'худой' в русском диалектном языке сформировался в полном объеме достаточно поздно.

Е. И. Якушкина
Москва

Аксиологическая трактовка 'скоромного' и 'постного' в свете диалектных данных³⁵

Признаки 'скоромный' и 'постный' принадлежат к числу наиболее аксиологически «нагруженных» и аксиологически «многозначных» пищевых признаков. Это вызвано тем, что семантика скоромного и постного формируется на стыке двух семантических полей – пищи и этики. В своем первом значении слова *скоромный* и *постный* и их инославянские эквиваленты – это ключевые термины народной кулинарии³⁶, которые дают субстанциональную характеристику пищи ('содержащий жир' и 'без животных жиров'). Во втором значении *скоромный* и *постный* – это ключевые термины христианской этики, которые дают пище идеологическую характеристику ('пища, запрещенная во время поста' и 'разрешенная пища'). Эти значения сопровождается аксиологически противоположный набор коннотаций: в семантическом поле пищи 'скоромное' подчиняется тем же механизмам аксиологизации, что и пища вообще и важнейшие пищевые продукты³⁷, а в сфере этики, напротив, соотносится с «неправильным» и «нечистым».

Первый оценочный ряд, сопровождающий оппозицию 'скоромный' – 'постный', основан на осмыслении скороми как «пищевой» нормы и

³⁴ Николаева Т. М. Качественные прилагательные и отражение «картины мира» // Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии. М., 1983. С. 236.

³⁵ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № НШ-2141.2003.6.

³⁶ «Народ делит пищу на *постную* и *скоромную*» [Ђорђевић Др. М. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958 [СЕЗ, књ. 70]. С. 113].

³⁷ Ср. хорв. *blagovat* [Hraste I, 54] 'есть' от *blag* 'хороший, ценный', рус. *хлебный* 'выгодный, доходный' [Даль² 4, 553].

соотнесении ее с положительным флангом оценочной шкалы. Слова с семантикой скоромной пищи используются для номинации приема пищи вообще: рус. *жировать* ‘кормиться, слетаться на корм’ (о дичи) [Даль² 1, 543], с.-хорв. *мрсити* ‘есть скоромное’ и просто ‘есть’: *не мрсим ево два дана* ‘я не ем уже два дня’ [Станић 1, 466]. Пост же устойчиво ассоциируется с голодом: с.-хорв. *пост* ‘нехватка’; ‘голод’: *још и храна приправљено доста да не трпи* <стока> *преко зиме поста* ‘и пищи приготовлено в достатке, чтобы скот зимой не голодал’ [RJAZU 11, 21]; *постан* ‘голодный’: *кад бих остануо постан од твоје милости* ‘когда бы остался голоден при твоей ко мне милости’; ‘натошак’: *имамо посни приступити к светој трпези* ‘мы должны приступить к священной трапезе натошак’ [RJAZU 11, 24]. В переносных употреблениях обозначений жирной пищи отражена трактовка скоромной пищи как оптимального рациона: с.-хорв. *мрсити* ‘есть хорошую пищу; хорошо питаться’: *нек се зна чија кућа мрси* ‘пусть знают, какой дом ест скоромное’ [РСАНУ 13, 194].

Представление о «скоромном» как «форме хорошего» отражено в восточно-южнославянских номинациях этого признака с помощью корня *благ-*: с.-хорв. *блажење* ‘употребление скоромного’ [Карацић, 35], макед. *благота* ‘молочные продукты’ [РМНП 1, 131], болг. *блажа* ‘скоромничать’ [БРР, 33]. Скоромное коннотирует разнообразие, «пестроту» блюд: ср. с.-хорв. хроним *шарена недеља* ‘неделя перед седмицей, предшествующей масленичной, когда не считается грехом не соблюдать постные дни’³⁸ (связано с *прошарати* ‘полакомиться всем понемножку’). Употребление скоромного связывается с продуцированием здоровья, силы (*омрсисте ли се? – на здравље нека ви је* ‘оскоромились ли? На здоровье’ [Чемерикић]) и символизирует блага этого мира, так что человек, умирающий во время поста, по своему произволению, перед смертью вкушает скоромного³⁹. Обилие скоромных продуктов считается обязательным атрибутом праздничного стола: «мясо на свадьбах, *славах* и других торжествах расходуют в огромных количествах совершенно нерационально»⁴⁰. «Как только появляется гость», «женщины сразу принимают за пироги, отлавливают цыпленка или закалывают барашка или поросенка, все это быстро приготавливается, причем не жалуют ни жира, ни масла»⁴¹. Вторичные значения корня *пост-*, напротив, отсылают к идее бедности: с.-хорв. *посно* ‘бедно, по-сиротски’: *посно они дочекују свакога ако није какав главар* ‘бедно они всех встречают, толь-

³⁸ Ђорђевић Др. М. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. С. 360.

³⁹ Там же. С. 368.

⁴⁰ Там же. С. 113.

⁴¹ Там же. С. 522.

ко если это не какой-то начальник» [Гупић, 356], *посан* 'бедный': *ођен смо од свачеса посни* <здесь мы в полной бедности> [Гупић, 354].

Употребление жирной пищи устойчиво связывается с достатком и благополучием дома и являет собой атрибут богатства семьи: «более зажиточные люди употребляют больше жира <...>, а когда покупают мясо, то за ценой не стоят»⁴²; пост же в хозяйстве воспринимается как средство экономии⁴³. Ср. влг. *жировой* 'богатый, зажиточный', тамб. *ему житье* – *жиры* 'хорошо, привольно'; *жируха* 'раздолье, приволье', *жирное место* 'доходное', *жирно живешь* 'роскошно, мотаешь', *жирные карты* 'богатые', *жирнеть* 'становится избыточным, богатеть', *жировать* 'жить в избытке, ни в чем не нуждаться, жить роскошно, мотать' [Даль² 1, 543]; с.-хорв. *мрсан* 'скоромный, жирный' и 'богатый, зажиточный': *стольяк ћеш наћи тек у мрсној кући* <скатерть можно найти только в богатой семье>; *Станина ћћи* <се > *увалила у мрсну кућу* <дочь Станы вошла в зажиточной дом>; *о дуварима висе суве сланине, најлетиши накит мрсној селачкој кући* <на стенах висит сухое сало – лучшее украшение богатого крестьянского хозяйства>; *опет (се) намјерио на ваљану и мрсну кућу* <ему опять попался хороший и богатый дом> [РСАНУ 13, 194]; *мрсан залак* [букв. 'жирный кусок'] 'девушка с приданым'⁴⁴. Семантика богатства свойственна и названиям скоромных продуктов: рус. *маслено ешь* 'роскошно живешь' [Даль² 2, 302], макед. фолькл. *млеко* 'богатый урожай, богатая жизнь': *ако од вас, чеда, крв ќе течи // зар од Турци млеко ќе не течи?* <если из вас, дети, потечет кровь, разве из турок не потечет молоко?> [РМНП 4, 277].

Символизируемая скоромной пищей идея изобилия – в противоположность стоящей за постным идее недостатка – способствует развитию у номинаций этих признаков: с одной стороны, значений насыщенности, густоты, плодородности, а с другой – жидкости и бесплодности. Ср. рус. *жирная земля* 'тучный чернозем' [Даль² 1, 543], с.-хорв. *мрсна земља* 'плодородная, «жирная» земля', *мрсна глина* 'густая глина' [РСАНУ 13, 193]; рус. *жирная вода* 'высокая вода, разлив, половодье', *жирный виноград* 'порода крупного и сочного винограда' [Даль² 1, 543], с.-хорв. *посан* 'бедный [о земле]': *она долина је доста посна, не треба тун очекиват род* <эта долина достаточно бедная, тут нечего ожидать урожая> [Гупић, 354]; *мрсник* 'штукатурка с большим количеством извести', *посник* 'штукатурка с маленьким количеством извести' [РСАНУ 13, 196].

⁴² *Тановић Ст.* Српска народна јела из Ћевђелијске казе // СЕЗ. 1925. Књ. 32. С. 240.

⁴³ *Ђорђевић Др. М.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. С. 113.

⁴⁴ Там же. С. 436.

В основе *второго* ряда оценочных значений, свойственных названиям скоромной и постной пищи, лежит семантический переход от 'скоромного' и 'жирного' к 'нечистому', в котором соединились представления о субстанциональной нечистоте жирного, загрязняющего поверхность и вызывающего неприятные физиологические ощущения (ср. рус. литер. *жирный* 'испачканный жиром'), и о ритуальной нечистоте скоромного, осмысляемого как «аномальное», «плотское», «низшее» (ср. болг. *криви са* 'есть скоромное'⁴⁵), в противоположность нормативности постного. Восприятие поста как нормы, предписания или правила, ограничивающего природу человека, отражено в сочетаемости слова *пост* (рус. *соблюдать пост*; с.-хорв. *поштовати пост* с тем же значением <букв. 'уважать пост'>, при невозможности *соблюдать (*нарушать*) *мясоед*), представлениях о праведности поста и греховности его нарушения.

Мотив нечистоты скоромной пищи – один из ведущих компонентов обрядности первых дней Великого поста, включающей у славян очищение от скоромной пищи в бане, мытье посуды⁴⁶. Темой очищения мотивирован общеславянский хроним, обозначающий первый день поста (рус. *чистый понедельник*), в который и совершаются очистительные действия. Семантикой ритуальной чистоты наделяется корень *пост-*. «С раннего утра женщины в горячей воде чистят посуду и подготавливают ее для постных блюд. Таким образом посуда *«испосни»*. По-настоящему *испостити* посуду значит прокипятить ее в воде и вычистить пеплом... Во многих домах на чистый понедельник... покупают новые, постные горшки... В этот день в городе моют и убирают»⁴⁷. Ср. *постан лонац* 'постный, чистый горшок', *посна кашика* 'постная ложка' [Караић, 614], *опостити* 'очистить что-то, в чем было мясо' [Караић, 514].

Семантику нечистоты названия скоромной, жирной пищи развивают на востоке ю.-слав. ареала: болг. *мръсен* 'испачканный, грязный, нечистый', *мръсник* 'грязнуля' [БЕР 4, 291], *замърся* 'грязнить, заражаться' [БЕР 4, 419]; с.-хорв. *мрсничина* 'ранка на губах, вызванная инфекцией, лихорадка' [РСАНУ 13, 197].

На востоке Южной Славии встречаются образованные от корня *мрс-* хронимы, обозначающие святочный период, «нечистое» время,

⁴⁵ Страхов А. Б. Слова с корнем *благ-/блаж-* с отрицательным значением в восточнославянских диалектах (к проблеме влияния славяно-византийского миссионерства на язык и культуру Древней Руси) // International Journal of Slavic linguistics and poetics, XXXVII, 1988. S. 106.

⁴⁶ Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 72–84.

⁴⁷ Ђорђевић Др. М. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. С. 370.

характеризующееся разгулом демонических сил: с.-хорв. *мрсни дани*⁴⁸, болг. *мръсните дни, мръсници* [БЕР 4, 291]. Такие наименования представляют чрезвычайно продуктивную семантическую модель, демонстрируемую также рядом других номинаций этого периода: с.-хорв. *нечисти дани*, в.-болг., ю.-болг. *погани дни*, родоп. *поганото*⁴⁹. Другие термины, обозначающие святочный период, отсылают к области демонического, темного, дьявольского: с.-хорв. *некрштени дани; нечастиви дани, нечастивици*, ю.-з. болг. *караконджерови дни*, ю.-болг. *черна неделя* и др.⁵⁰, болг. *дьяволски дена*⁵¹. Семантика опасного, нечеловеческого, чужого, вредоносного актуализируется и в корне *мрс-*, который используется для обозначения святочных демонов: с.-хорв. *мрсничина* 'злое мифологическое существо, нападающее на людей': *Тих дана* <на Святки> *се не ради због караконцула... не ваља ноћу ни путовати, јер се тада свака мрсничина ноћу скита* <в те дни ничего не делают из-за караконджул, нехорошо ночью быть в пути, потому что тогда по ночам бродит всякая нечисть> [РСАНУ 13, 196]; ц.-болг. *мръсници*⁵².

В тайных языках ремесленников южной Сербии, Македонии и Болгарии оппозиция «скоромный» – «постный» выступает как средство самоидентификации православного населения в противоположность мусульманам, туркам, трансформируясь в противопоставление «чужой» – «свой». Ср. с.-хорв. *мрсан* 'магометанин, турок' [Чемерикий], *посан* 'серб' [Skok 2, 470], болг. и макед. *мрсен*, макед. *мръсната, мръснак*, болг. *мрсник* 'турок' [БЕР 4, 286].

Соотнесение «постного» и «скоромного» с «чистым» и «нечистым» обусловило наделение этих признаков семантикой нравственно-религиозной оценки, соотносящей поступок с нормой божественного закона: вост.-серб. *мрсник, мрсница* 'грешник, грешница' [Митровић, 184]. Оценка *мрсник, мрсница* применяется к людям [животным], нарушившим природный закон: матерям-детоубийцам («есть женщины *мрснице*, которые убивают своих детей после родов» [Митровић, 184]), змеям, укусившим человека или зверя («на св. Лазаря змеи приходят, а на Воздвижение уходят. Остаются только змеи – *мрснице*, т. е. змеи, которые укусили человека или животное» [РСАНУ 13, 196]), «нельзя убивать змею, которая встречается осенью: она «*мрсник*», т. е. грешник, по-

⁴⁸ Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканского ареала. М., 1996. С. 13.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Страхов А. Б. Слова с корнем *благ-* / *блаж-* с отрицательным значением в восточнославянских диалектах. С. 90.

⁵² Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканского ареала. С. 13.

скольку она в то лето укусила кого-то. и земля ее не принимает» [Митровић, 184]).

Во вторичных нравственно-религиозных значениях корня *пост-* реализуется мотив угодного Богу воздержания, служащего средством покаяния и нравственного очищения: с.-хорв. *испошћават* 'постом и молитвой угождать Богу' [Елезовић 1, 238], *испостити греј* 'искупить грех': *може ли се греја испостити* 'можно ли грех искупить'⁵³, *испаштати грех* 'искупать грех, переносить страдания, мучиться из-за того, что что-то сделано не так' [Станић 1, 311], *испашћат* 'страдать из-за совершенных грехов': *још много ћеш да испашћаш ти; испашћа греове; испашћају се по планинама* [Елезовић 1, 237]. Тема поста, как страдания, в этической сфере корреспондирует с образом плача: *отплакати* 'искупить вину плачем; подвергнуться за что-то наказанию' [Станић 2, 65].

Наименования скоромного также наделяются семантикой социально-этической оценки: макед. *мрсен* 'гнусный, гадкий, проклятый'; *мрсник* 'бесстыдник': *силна ќе борба да биде // сас тија Турци, мрсници* <будет большое сражение с бесстыдными турками> [РМНП 4, 359–360], болг. *мръсен* 'грязный, непристойный' [БЕР 4, 291].

Учитывая продуктивность использования номинаций нечистого для обозначения этических понятий, правомерно утверждать связь фиксируемых у корня *мрс-* семем 'стыдный, неприличный' с мотивом ритуальной и физической нечистоты скоромного. Однако обращает на себя внимание тот факт, что, как правило, номинации, содержащие корень *мрс-*, применяются к сфере вербального или плотского распутства, блуда, порочных удовольствий (пьянства, азартных игр) – невоздержанного поведения, представляющего собой, как и неумеренное насыщение, разгул плоти. Ср. болг. *мръсник* 'грязнуля; низкий, бесстыдный человек, развратник', *мръсувам* 'развратничать', 'красть', 'пачкать, совершать стыдные поступки, воровать', *мрса* 'пачкать, есть скоромное в пост, развратничать' [БЕР 4, 418–419]; с.-хорв. *мрсник* 'бабник': *тој мрсник остаре већем, а још иде по жене* <этот бабник уже одряхлел, а вся ходит по женщинам>; *мрсно куче* [букв. 'грязный шенок'] 'бабник': *од тој мрсно куче нема домаћин да бидне, вуче се по женетине* <из этого бабника не будет хозяина, таскается по бабам> [Златановић, 237]. Признак жирности или скоромности актуализируется в наименовании табуированных, «заветных» текстов: рус. *скоромные (речи)* 'непристойные' [Даль² 4, 204], с.-хорв. *мрсан* 'непристойный, неприличный, вульгарный' (о словах, шутках, песнях и т. д.) [РСАНУ 13, 194];

⁵³ Симоновић Д. Народне песме из источне и јужне Србије. Београд, 1988. С. 184.

мастан 'жирный' и 'непристойный, грязный, стыдный' (о словах и песнях) [RJAZU 6, 504]; ср. рус. диал. *сальник* 'сладостлюбец'⁵⁴.

Корреляция между употреблением скоромной или жирной пищи и невоздержанием, разгулом, вольностями, во-первых, поддерживается гедонизмом «жирного», что проясняет русский диалектный ряд *жировать* 'жить роскошно, мотать', 'ходить по гостям, по чужим обедам, пировать в людях; резвиться, беситься, играть, шалить, проказничать с товарищами', *жируха* 'жира, раздолье, приволье', 'шалунья, баловница, игрунья, хохотунья', *жирун* 'парень, охочий играть, шутить и веселиться, но не работать' [Даль² 1, 543]. Представленная значениями данного корня модель: 'жир' > 'изобилие', 'довольство' > 'веселье' > 'гульба' мотивирована описанными выше положительными коннотациями жирной пищи, хорошей, богатой, сытной, услаждающей человеческую плоть, которые вводят ее в круг других чувственных удовольствий. Во-вторых, плотские проявления человека образуют комплекс «скоромной» этики, на которую периодически накладывается запрет и которая противопоставлена поведению, предписываемому постом. Скоромное время подразумевает те формы человеческого поведения, которые связаны с удовлетворением плоти, излишеством, удовольствиями, невоздержанностью⁵⁵, тогда как в пост запрещается не только употребление жирной пищи, но и половые сношения, веселье, смех⁵⁶: «Ни за что на свете никто из стариков не посмел бы оскоромиться <в первую неделю Великого поста>, а также избегали телесных контактов с женой и брачной постели. <...> В первую неделю поста не ходят в трактир, не поют, не танцуют, не дерутся, не ссорятся, а проводят время тихо и спокойно»⁵⁷.

Обозначение неумеренного удовлетворения плотских влечений перекликается с выражаемой корнем *мрс-* семантикой брачных отношений. Значения корня, относящиеся к этой сфере, широко распространены в разных южнославянских говорах: словен. *mršiti se* 'иметь сношение с женщиной', 'переживать брачный период [о животных]' [Bezljaj 2, 283], с.-хорв. *mršiti se* 'оплодотворять овец', 'совокупляться' [Станић 1, 466]; болг. *мърсак* 'мужской половой орган' [БЕР 4, 419]. Этот семантический феномен представляется весь-

⁵⁴ Страхов А. Б. Слова с корнем *благ-* / *блаж-* с отрицательным значением в восточнославянских диалектах. С. 100.

⁵⁵ Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл.

⁵⁶ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 251.

⁵⁷ Борђевић Др. М. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. С. 368–369.

ма древним (в отличие от метафор типа с.-хорв. *накрмити* (букв. 'накормить') 'удовлетворить женщину') и может быть связан как с семантикой еды, так и с семантикой телесного (мяса, плоти), возможно, составлявшей наиболее архаичное содержание корня *мрс-*. Преимущественно в этом значении ('мясо') корень *мрс-* фиксируется на западе южнославянского ареала (чак. *mrs* 'Fleishspeise', 'мясные изделия', *mrsno jéce* 'мясная пища, мясное блюдо' [Hraste 1, ст. 569]). Типологической параллелью к этому переходу служат примеры: с.-хорв. *погано месо* 'стыдные части человеческого тела' [Елезовић 2, 86], рус. *мясные ворота* 'женская плоть'⁵⁸.

Вторичные значения диалектных названий скромной и жирной пищи, эксплицирующие культурные коннотации «скромного» и «постного», демонстрируют аксиологическую амбивалентность каждого из членов этой оппозиции, в языке культуры получающих как положительную, так и отрицательную трактовку, и сводимых, с одной стороны, к противопоставлениям «обильный» – «скудный», «богатый» – «бедный», «плодородный» – «яловый», «сытый» – «голодный», а с другой – «чистый» – «грязный», «праведный» – «грешный».

---

⁵⁸ Юдин А. В. Состав тела человека в русских заговорах // Кодови словенских культура. Бр. 4. Делови тела. Београд, 1999. С. 25.